

**Вера
ЛАВРИНА**
ОБИТЕЛИ

В кромешной тьме забрезжил...

В кромешной тьме забрезжил осторожный, пронятый теплом сумрак. Он начал медленно клубиться. Спирали теней высветлялись. Раскручиваясь, они становились все прозрачнее, истаивали, уступая место ясному золотистому свету. Ульяна ощутила себя растворенной в нем. Она не чувствовала никаких границ между собой и светом, и свет был блаженством. Он освободил ее от тяжести, свербящей боли и непрестанной давящей заботы. «Почему раньше было не так? Ведь это же и есть подлинное. Это! Когда ты и свет — одно!»

Свет начал зримо сгущаться и темнеть по округлым линиям. Ульяна увидела проступившую из него проселочную дорогу, излучину реки, невысокие холмы на другом берегу. И дорога, и река, и холмы были так прекрасны и совершенны в своих изгибах. «Я люблю тихие реки, проселочные дороги, холмы, но я не знала, что и они любят меня и так внятно свидетельствуют об этом. Как? Чем свидетельствуют? Да вот этим безупречным видом. В них полнота и радость». Она пошла по дороге. Каждый шаг, поворот головы, скольжение взгляда приносили неуловимые перемены, тонкие сдвиги видимого и новые оттенки чудесных ощущений.

78

Ульяна приблизилась к берегу и низко наклонилась над водой. Из глубины всплыло отражение. Сначала не узнала себя. Не увидела прежнюю — где узкие глаза с нависшими мятыми веками, иссохшая кожа в морщинах и бурых пятнах, тяжелая складка на переносице? И вдруг вмиг поняла, что та старая износившаяся женщина была лишь когда-то прилипшей к ней маской. Что теперь наконец-то она свободна от маски и может соединиться с тем беспредельным желанным, дарящим трепет и восторг абсолютной полноты, к чему она порой так близко подступала, но оно неизменно ускользало. А теперь — нет! Они вместе!

На водной глади отражалось молодое лицо: тронутые улыбкой губы, лучистые глаза. Ульяна счастливо рассмеялась.

Одно за другим на поверхности воды стали проступать отражения контуров деревьев, облаков. Она поднялась и осмотрелась. Вверх бежала деревенская улица. Ладные пятистенки четко впечатывались в яркий свет. Ульяну охватило сладкое чувство узнавания чего-то очень дорогого, давно ушедшего невозвратно. И теперь вдруг чудом явившегося.

— Это же... Это деревня моей бабушки!

ЛАВРИНА (Правда) Вера Леонидовна родилась в Казахстане, в с. Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Дружба народов», «Наш современник», «Врата Сибири» и др. Автор более двух десятков книг стихов и прозы, учебников. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Ульяна легко зашагала вверх по улице. У ворот домов играли дети. Их было много. Веселые крики и смех неслись от двора к двору.

Около плетня она увидела рыжего жеребенка. Тот весело перебирал тонкими ножками, качал головой.

– Какой же ты хорошенький! – невольно воскликнула Улья.

Жеребенок, словно долго дожидавшийся ее здесь, с готовностью подбежал и ткнулся мягкими губами в лицо.

– Ой, целуется! – радостно вскрикнула Ульяна и обняла его за шею.

В детстве ей часто хотелось вот так обняться и поласкаться с жеребенком, но боялась подойти близко.

– Это на-а-аш малышонок, – услышала Ульяна певучий голос.

Незнакомая девушка низко поклонилась ей.

– Ждут, ждут тебя. Вон глянь-ка.

Ульяна повернула голову. К ним быстро шла женщина в легком длинном сарафане и кружевной блузке. Улья еще не узнавала ее, но волнующее предчувствие уже охватило душу.

– Бабушка! – Ульяна кинулась ей навстречу.

Та раскрыла объятия. Бабушка нежно поглаживала и похлопывала ее по спине.

– Ты... ты так помолодела! – выдохнула Ульяна. 79

– Мы все здесь такие, доча!

«Доча... Сынок... Так бабушка называла всех маленьких и молодых. И другие женщины в их деревне так называли младших», – вспомнила Ульяна.

– Почему ты здесь? – спросила она.

– Как почему? Вышла тебя встречать.

– Ты знала?

– А как же, мы здесь всё знаем. Пойдем домой, там тебя ждут.

Они зашли в избу. Навстречу ей бросились дети.

Они вмиг облепили ее, галдя и вскрикивая:

– Улья! Улья пришла! Мы тебя ждали!

Каждый старался прикоснуться, крепче обнять гостью. Их живые лица сияли от радости.

– Сколько их! – изумилась Улья.

– Все наши, все наши. – Бабушка с улыбкой поглаживала детские головки. – А ну-ка, пострелята, – на улицу! Дайте гостью передохнуть.

– Мы хотим с Улей побыть! С Улей!

– Ну, тогда по лавкам и тихонько сидеть! – распорядилась бабушка.

Уля огляделась. Внутри изба оказалась очень просторной – с большой изразцовою печью, украшенная кружевными занавесками, вышитыми рушниками. Комната была залита плотным золотистым светом.

– А меня узнала, внученька? Деда своего?

Навстречу гостье поднялся моложавый, юношески подтянутый дед.

– Какой ты дед?! Ты парень! – воскликнула Улья, обняв своего молодого дедушку.

– Вот, прибыла наша внученька. А сейчас тетушка прибежит.

– Тетя Валя?

Тут же стукнула дверь.

– Ах ты, моя золотая! Айда ко мне, айда, моя рыбонька! – Тетя Валя ласково обняла гостью, не отпуская руки, посадила рядом с собой. – И ты теперь здесь, у нас, мой ты дитенок!

– Как у вас красиво, по-старинному! – Улья с восхищением оглядывала большую нарядную комнату.

– Мы так любим, доча, – кивнула бабушка. – Сами все ткем, вяжем, плетем да шьем. Такими рукодельницами стали, все с Божьей помощью, во всем Он нам помогает. А Валентина-то как вышивает. Увидишь потом. Садись, доча, к столу.

– Я, баб, есть не хочу.

– Да мы и не едим. Вот яблочки только грызем.

Стол был уставлен блюдами с алыми, багряными, желтыми и зелеными яблоками.

– Глянь, какие! И у каждого аромат на особинку. Возьми-ка! А я и пирожки испечь могу, блинчики. Сами не едим, конечно, но отдаем.

Ульяна уселась на широкую лавку и взяла одно яблоко. Их пряный дух витал в комнате.

Она не совсем понимала, почему она здесь встретилась со своими родными, лишь смутные догадки бродили в ее душе. Но точно знала: не надо об этом спрашивать сейчас, все откроется, обязательно прояснится. Очень скоро.

– Ну, расскажите мне, как вы здесь живете? – спросила гостья.

– Живем и Господа славим, доча. Наши крестьянские труды – все в радость, все в радость. И коровки у нас есть, и овечки, курочки. Мы за ними как за малыми детьми ухаживаем. Без дела не приучены сидеть. Кто ткет, кто вяжет, вышивает, что кому нравится, то и делает. Мы без труда не можем. Только, доча, труд-то теперь в радость, без натуги и тяжести. И все ради Господа.

– Бабушка, если вы не едите, куда все это де-
ваете: молоко, мясо? Огороды у вас большие. –
Уля взглянула в окно.

– Ну, мяса-то у нас нет, упаси Бог, мы скотин-
ку не режем. Она у нас вольная: день пасется на
лугах, вечером сама приходит. Коровку подоим,
как без этого. А все мы отдаем.

– Отдаете? Кому?

– Под закат приезжает Василий. Мы ему на
подводу бидоны с молоком ставим, яйца в лу-
кошках, стряпню нашу, овощи, он и увозит кому
надо. Господу так угодно. А Василий нам яблоч-
ки привезет или подскажет, куда можно за яблоч-
ками сходить, в какой лесок, где они поспели.

– У вас нет в избе икон, а всегда стояли, –
вдруг заметила Уля.

Она помнила, что деда с бабой без крестного
знамения не садились за стол.

– Стояли, пока мы в разлуке с Ним были. А те-
перь в каждой душе Он начертан – сияет! Живой! И
разговор у нас с Ним, доча, как вот с тобой – течет
и течет в душе. Просим Его и о тех, кого ждем, и кто
в дальних обителях томится, обо всем Он нам гово-
рит, что в мире происходит. Да ты сама разве не
чуешь?

– Я чувствую такое блаженство, что и слов
не надо мне.

– А вот попривыкнешь, блаженства твои по-
чину встанут, будешь Его речь различать. – Ба-
бушка ласково погладила внучку по волосам. –
Она вроде и без слов, но все понятно.

– Неужели всегда будет все это с вами? Эта
деревня, покосы, печки, самовары, эти дивные
просторы и леса? – Ульяна широко развела ру-
ками.

– Нет, доча, Господь говорит, что в другие
обители нас призовет, но больше нам неведомо.
Когда и куда – не говорит. Молчит до срока, – от-
ветила бабушка.

Дед разгладил смоляную бороду:

– Сегодня вечером на горку пойдем. Хорово-
ды будем водить, танцевать, песни наши старин-
ные петь, душевные и духовные, Бога славить.

– А что это за горка?

– Это холм высокий у реки, Величальным зо-
вется.

– Каждый вечер мы там все собираемся. Ох
и блаженно все это, – вступила бабушка. – Пой-
дешь с нами?

– Обязательно пойду!

– Вот увидишь, какие наряды мы пошили, ка-
кую красоту приготовили. Все для Него. Мы и тебе

сшили, чтоб оделась ты по-нашему. Обрядом – бу-
дешь павой! Пойдем-ка, примеришь.

Бабушка взяла Ульяну за руку и повела в
светлицу.

Когда за окном золотистый свет загустел, по-
дернулся охристыми рукавами, все начали соби-
раться на горку. Бабушка нарядила Ульяну в рас-
шитую рубаху с кружевными вставками, клетча-
тую поневу, подпоясала рушником. Оглядела ее.

– Красота! – залюбовалась бабушка. – Вот
Валентина рубаху расшила шелком. А эти кру-
жева прабабушка моя плела, Лукерья. Тут она,
недалеко обитает, увидишь ее нынче.

Они шли по лугу, усыпанному золотистыми
лютиками и белыми цветами клубники, мимо па-
сущихся вольно жеребят с матками. На Вели-
чальный холм всходили со всех сторон наряд-
ные обитатели. Стайками бежали дети. Строй-
ным ладом звучала протяжная песня. Звуки
чарующих напевов изливались на зеленые луга,
перелески, охватывали все пространство, откли-
кались в душе сладостным волнением.

Ульяна вдруг заплакала так светло и счаст-
ливо, как если бы смеялась от радости. Тот кре-
стьянский мир, мир ее предков – вспоротый,
много раз разграбленный, оплеванный, распя-
тый, немилосердно раздавленный, – оказывае-
ся, пребывает нетронутым в заповедной обите-
ли вместе с невинными страдальцами, творящи-
ми его здесь.

Наконец-то брод закончился...

Наконец-то брод закончился. Двое вышли на
берег мелководной широкой реки. В ботинках за-
чавкала вода, вытекая мутными струйками.

Они пошли по бурой равнине, поросшей чах-
лыми кустиками карликовой березки и усыпан-
ной осклизлыми камнями. Над сумеречным по-
лем нависал низкий, серенький, в темных пят-
нах, будто провисший к центру небесный полог.

Один из идущих, толстый, кривоногий, по ви-
ду татарин, нес на спине большой деревянный
стол-тумбу. Щелеватый, немудряще сработан-
ный деревенским мастером стол послужил не-
мало времени. Грязно-голубая краска облупи-
лась, обнажая ядовито-зеленую. С двух сторон
тумбы виднелись коричневые липкие потеки жи-
ра с прилипшими лохмотьями пыли, паутины и
высохшими дохлыми тараканами. Растрескав-
шиеся ножки махрились гнилыми волокнами.

Толстяк кряхтел, обливался потом, тяжело
припадая на одну из своих кривых ног. Другой – в

добротном костюме, с портфелем-дипломатом, коротко стриженный – шел чуть впереди, недовольно оглядываясь на толстого.

– Слушай, на кой тебе этот стол? Брось его, наконец! – раздраженно сказал он.

– Не могу, я его украл, – тяжело прохрипел толстяк. – Дома сносили, в них уже никого не было. Я ночью пришел с соседом, утащил этот стол, на дачу увез, на летнюю кухню. А утром бабка прибежала, стала верещать: «Ворюги, оставить ничего нельзя, стол поганный и тот унесли!»

– Дурак! Я ничего, кроме народного достоинства, не крал! – Стриженный осклабился. – Мы ведь тоже из народа, верно? – Он изящно побарабанил пальцами по дипломату. – Не буду тебя ждать, пойду вперед. Тащишься как кляча.

Толстяк тяжело опустил стол на камень, отер пухлой рукой лоб, сел на землю, опершись спиной на тумбу.

– Иди, – равнодушно сказал он.

Стриженный двинулся дальше, немного отошел и остановился. Оглядел безжизненный пейзаж. Остаться одному не хотелось. Вдруг он услышал какой-то отдаленный, едва различимый крик, похожий на человеческий. Стриженный замер, прислушиваясь, обернулся.

– Слышишь? – спросил он спутника.

– Что?

– Как будто кричит кто-то.

– Не слышу.

– А сейчас?

– Это тебе кажется.

Но стриженный отчетливо слышал крики, теперь они сопровождались то ли всхлипами, то ли стонами.

Через некоторое время он двинулся дальше, нервно озираясь. Вдруг боковым зрением заметил, как слева мелькнула темная тень. Резко обернувшись, стал пристально вглядываться, но ничего не увидел. Переложил дипломат в другую руку, вытер о пиджак потную ладонь, покопался на толстяка. Тот с натугой переставлял ноги, тяжело сопел, уперев взгляд в землю.

Стриженный увидел, как впереди замаячили темные силуэты, то приближаясь, то отдаляясь так, что совсем исчезали в сумерках. Спутник не обращал на них внимания.

«Наверное, не видит», – понял стриженный. Теперь он опасался идти один, шагал рядом с толстяком, со страхом всматриваясь в мрачные тени. Они перемещались странно – будто не шли, а ехали на колесах. И от этого выглядели

зловеще. Их длинные плащи медленно развевались. Непонятно было, что им нужно. В отдалении они двигались вокруг путников.

Из размытой сумеречной мглы стали проступать неясные очертания какого-то строения.

– Это... это... – Стриженный всматривался в здание, явно что-то узнавая. – Это же моя вилла на Давайях! – воскликнул он. – А там причал, яхта! Там вертолеты и самолеты! Там – все! Вот оно! Собирайте сокровища! Они все в сохранности с вами пребудут! – довольно расхохотался он.

Вид его дорогой виллы, неизвестно как оказавшейся в этом мрачном месте, безмерно воодушевил стриженного. Забыв про страхи и мрачные тени, он резво побежал навстречу величественной громаде, выраставшей из сумерек. «Родные стены помогут!» – приговаривал он. Толстяк с облупленным столом остался далеко позади.

Стриженный бежал все быстрее и быстрее, чувствуя, что уже не ноги несут его. Непреодолимая сила, как чудовищный магнит, влекла вперед. Попробовал остановиться, но тело не слушалось. Вилла стремительно приближалась. В мгновение бегун очутился перед распахнутыми коваными воротами. Попытался зацепиться за их боковую стойку, но какая-то дьявольская сила легко оторвала его. Он пролетел по въездной аллее и с размаху впечатался в большую бронзовую дверь. Дикая боль исказила лицо. Стриженный рухнул на мраморные плиты перед парадным входом. Тут же его подхватили подоспевшие тени и втащили внутрь.

Кривоногий подошел к вилле. Его стол заметно уменьшился и полегчал. Он остановился отдышаться. Взору открылась удручающая картина. Засохшие метелки елей и гортензий топорщились на пустых клумбах и бурых газонах. пышный фасад виллы растрескался. Черные потеки покрывали облупленные колонны и обитые скульптуры в нишах. Пожелтевшие пучки трав торчали из глубоких трещин в стенах.

Толстяк прошел через парадный вход. В больших залах стоял мертвенный холод. Запущение и разруха царили здесь. На полу лежали куски штукатурки, с купольного потолка капала мутная вода. Мебель выцвела, покорежилась. Лица на портретах странно исказились. Стриженный с окровавленным лицом безвольно повис на стуле. Голова его то закидывалась назад, то падала на грудь. Темные тени бесшумно скользили по комнатам, открывали шкафы, ящики столов,

двигая обветшалую мебель. Они осматривали все, будто проводя инвентаризацию, что-то подсчитывали и записывали.

Осмотревшись, кривоногий направился к выходу.

– М-м-м... – промычал стриженный. – М-м-меня-я-я заברי-и-и-и...

Толстяк оглянулся и в нерешительности остановился. Но тут две тени подхватили его под руки и через черный ход вывели прочь. Он зашагал по заросшей аллее и скоро скрылся за частоколом высохших деревьев.

Создавший мя...

«Создавший мя и реки ми: яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человеци пойдем, надгробное рыдание творяще песнь...»

Голоса чтецов смолкли.

– Аллилуйя! Тройная аллилуйя дальше! Почему не читаете?! – строго высказал отец Михай чтецам.

Никто не ответил.

Над головой со свистом закрутился вихрь. Он ввинчивался внутрь и как магнит вытягивал, выдавливал, выдирали живой поток из тела.

– Господи, помилуй, Господи, помилуй, – бормотал Михай.

Вихрь выбросил отца в гудящую тьму. Через некоторое время все стихло.

– Ну, вот и слава Богу, – облегченно произнес Михай.

Его голос глухо прозвучал в сдавленной полутьме. Он огляделся и увидел, что оказался в сводчатом тоннеле, плавно уходящем вниз. Далеко внизу был едва заметен тусклый свет. Михай начал спускаться. Он будто не шел, а быстро скользил над поверхностью каменного пола. В сумраке были видны грубо обработанные бугристые стены. Прошло много времени, но выход не приближался: то же мутное пятно едва брезжило далеко впереди. Тоннель не расширялся и не сужался, монотонными сводами накатывал на Михея.

«Почему же вниз, а не вверх?» – с беспокойством думал тот. Он слышал позади себя ритмичные негромкие хлопки. Но, оглядываясь, видел только непроницаемую тьму, будто цементирующую обратный путь.

«Где ангелы и черти? Как без них мытарства проходить? – В душе нарастал страх. – Не один же я умер! Где другие души? Господи, помоги!» – взывал Михай.

Тягостный путь длился и длился.

«Что же это такое, Господи! Что такое? Когда же конец этому?!» – роптал отец.

Время исчезло, он не мог бы сказать, час или год пребывал в мрачном тоннеле под мерные хлопки непроницаемой тьмы. Размытое пятно впереди не исчезало, но и не прояснялось.

Вдруг Михай заметил в стене высокую двухстворчатую дверь. Он остановился. Дверь распахнулась.

Навстречу ему выскочил молодой служитель в дьяконском облачении и громко сказал:

– Отче, пожалуйста сюда! Пора службу начинать!

Михей переступил порог и очутился в храме.

– Слава Богу! Слава Богу! – забормотал он.

Дьякон проводил его в алтарь.

– Какую службу сегодня служим? По какому дню? – спросил Михай.

– Сегодня? – переспросил дьякон. – По обстоятельствам.

– Что за служба такая – по обстоятельствам? – строго спросил Михай.

– Наш архиерей такую службу учредил.

Отец озадаченно посмотрел на дьякона.

– Да вы, отче, служите, а мы все в положенных местах подскажем вам, – торопливо бросил дьякон. – Сейчас вседневные часы начнем.

После проскомидии отец Михай в сияющей ризе вышел на каждение. Храм был заполнен народом. Прихожане имели вид благообразный и аккуратный. С умильными лицами кланялись и молились.

«А хор-то как чудно поет! Как поет!» – восхитился Михай.

– Елицы оглашении, изыдите, оглашении, изыдите, елицы оглашении, изыдите! – громко произнес дьякон.

После этих слов Михай явственно услышал шелест.

«Видно, ангелы слетаются!» – благостно думал он.

«Яко да под державою твоею всегда хранимы...» – негромко читал Михай тайную молитву.

Хор замолчал.

– Почему херувимскую не поют? – спросил отец у дьякона.

– Певцы все вышли.

– Как вышли?

– Недостойные! – Дьякон нахально подмигнул отцу Михею.

Тому стало не по себе.

– Выйди и с прихожанами пой, – стараясь держать себя в руках, сурово сказал он.

Дьякон вытянул трубочкой губы, закатил глаза и, причмокнув, выпрыгнул на амвон. Раздалось нестройное пение херувимской. Голос дьякона дребезжал, фальшивил.

«Хоть бы уж службу эту быстрее закончить! Что-то здесь не то!» Нехорошие догадки зашевелились в голове Михея.

После открытия завесы дьякон наклонился к уху Михея и громко сказал:

– «Символ веры» не поем. Архиерей запретил.

– Почему?

– По уставам древней церкви, – важно поднял дьякон указательный палец и дернул головой.

На мохнатом лице заиграла наглая улыбка.

Михей быстро отвернулся и перекрестился подрагивающей рукой. Он с особым старанием прочел положенные молитвы.

– Святая – святым! – провозгласил он, поднимая чашу над дискосом.

– Отче, нельзя причащаться! – Дьякон грубо схватил иерея за руку.

– Отойди от меня, Сатана! – с приглушенной яростью сказал Михей.

– Дух Святой не сошел! – взвизгнул дьякон. – Нет здесь Духа! И чаша твоя не чаша, и ты – ряженый!

В чаше зашипела бурая жидкость, поднялась горячей пеной и, выплеснувшись, обожгла руку Михея. Тот выронил чашу. Облачение его высохло, как осенний прах, и облетело.

– И церковь – не церковь! – визжал дьякон.

Дьяконские одежды почернели. Паникадила, светильники и свечи в тот же миг погасли. В темноте запахло гарью. В разных углах замигали тусклые зеленые огни. Пространство наполнилось гулом и грохотом. Стены коржились и ломались, словно их сминала чья-то могучая рука. Когда огни сменил ровный ледяной синий цвет, Михей увидел себя в громадном зале, стены которого едва виднелись в сгустившейся мгле.

Коренастая женщина, похожая на охранницу, усадила его на жердь, висящую перед длинным столом, и придавила тяжелой рукой, не давая возможности встать с неудобного насеста. На столе, закинув ногу на ногу, сидела девица в полупрозрачном брючном костюме из цветастого шифона.

Затягиваясь длинной сигаретой, она со скупым видом диктовала услужливо склонившемуся над бумагами невзрачному клерку:

– Двоеженство. Причем двое детей в маргинальной связи. И, знаешь, ничем не смущался. Пожертвования четырех дней недели забирал на личные нужды. Записал? Чревоугодие. Тайно по ночам ел мясо в пост. Записал? – Она ткнула пальцем в бумагу.

Михей вжал голову в плечи: «Иерея обличать?!»

– Почему у вас обличье человечье, если вы дьяволы?! – зло крикнул он.

Девица, ухмыльнувшись, повела плечом:

– А у вас там разве так не бывает? Обличье человечье, а сами давно уже не люди. Знаете, в иные времена нам вас и переплюнуть трудно. Как начнете всех в наш свет отправлять, давить, душить, жечь, так здесь просто аврал, ни днем ни ночью... Знаете... кофейку попить некогда.

Жердочка, на которой сидел Михей, треснула. Он рухнул вниз и, проломив пол, исчез в образовавшейся дыре.

Неотразимый задержал взгляд...

Неотразимый задержал взгляд на своем отражении в темном стекле напротив. Хорош. Светлые, стильно подстриженные волосы. Голубые глаза с черными ресницами делали его взгляд тягучим и клейким. Прямой нос и изящная линия губ. Вот и лощеная блондинка с округлым задом призывно вперилась в него.

«Да-да, красотка, я тот, за кого ты меня принимаешь: красавчик, бабник, люблю эксперименты в той сфере, которая тебя интересует, и, если ты сможешь меня зацепить, у тебя тоже есть шанс».

Регистрация на рейс «Москва – Краснодар» шла уже второй час. Оценивающим взглядом он пробежался по очереди: «Вот это неплохой экземпляр. Да и все, пожалуй». Всех, кому за тридцать, он пропускал – староваты. Только молоденькие, свеженькие и крепенькие тела, никакой геронтологии.

Вдруг взгляд его остановился на регистраторше – и Неотразимый замер. Та была в фирменном костюме авиакомпании. Каштановые волосы забраны в аккуратный хвостик. Но вместо лица мохнатая полуобезьянья, получеловеческая морда. Пассажиры, казалось, не замечали этого, спокойно подходили к ней один за другим. Та старательно смотрела их паспорт, билет, шле-

пала печать волосатой лапой и отдавала посадочный талон. Неотразимый с недоумением осмотрелся.

— А что это с ней? — негромко спросил у губастой женщины, стоящей впереди.

— С кем?

— Ну, с регистраторшей?

— Не знаю, может, акция какая в защиту животных. Или специально маски надели, чтобы пассажиров привлекать, — равнодушно ответила та. — Сейчас что только не придумают.

Неотразимый занял свое место в самолете. В салоне появилась прелестная стюардесса. Наряд в цветах авиакомпании соблазнительно оголял пышную грудь и длинные ноги. С губ не сходила блудливая улыбка. Она так сладострастно демонстрировала привязные ремни, спасательные жилеты, кислородные маски, будто приглашала к соитию.

«Завела, — отметил Неотразимый. — Считаю, что твой номер телефона у меня в кармане».

Самолет стал набирать высоту. После нескольких рекламных объявлений из динамика полилась музыка. Неотразимый вслушался. Что-то знакомое, берущее за душу, сладко трепещущее было в ней. И чем дольше она звучала, тем более властно погружала в себя. Будто небесная гармония обрела звуки и изливалась в мир. У Неотразимого повлажнели глаза.

«Что это? Никогда со мною такого не было! Из-за музыки? Стареть начал, что ли?»

Музыка резко оборвалась. Кто-то матерно ругнулся в микрофон.

— Ой! Прошу прощения! Гы-гы!

— Да ладно уже! Че притворяться?! — откликнулся другой голос. — Пусть узнают.

— Ты че, тумблер, дурак, переключил? Рано еще.

— Пошел ты!

Пассажиры напряглись.

Послышались выкрики:

— Что происходит?!

— Они что, сдурели там?!

Выбежала разбитная стюардесса:

— Уважаемые пассажиры, просим прощения!

Это запись посторонняя вклинилась! Полет идет нормально. Мы набрали расчетную высоту и направляемся к месту назначения, которое нам пока неизвестно.

Из бизнес-класса раздался громкий голос:

— Ну, я вам устрою! Придурки! Мрази! Один звонок — и вы мусор! Федя, готовь в аэропорту группу захвата. Придурков надо...

Последние слова потонули в реве моторов. Самолет завибрировал. Раздались отчаянные вопли и крики. Пассажиры начали вскакивать с кресел. Дико завывали бортовые сирены. В салон высыпало десятка полтора стюардесс. С веселым видом они сновали по салону и ставили уколы особенно буйным пассажирам. Те с застывшими лицами вдавливались в кресла и замирали.

— Красавчик, укольчик не желаешь? — подскочила стюардесса к парализованному от страха Неотразимому. — Успокойся. Тебе надо. Перед испытанием.

Тот слабо дернул головой.

Сирены замолкли. Пассажиры сидели в диком оцепенении.

Из динамика раздался спокойный приветливый голос:

— Наш самолет совершил посадку в порту назначения. И почему вы нервничали? Просим всех на выход.

Неотразимый посмотрел в иллюминатор. В темноте ничего не было видно. Над зданием аэропорта горели только первая и последняя буквы: А и Т.

«Только бы выбраться отсюда! Хоть к черту на кулички! Быстрее прочь!»

Он спускался по трапу, напряженно всматриваясь во мглу, укрывшую аэродром. Одна из дежурных на нижней ступеньке трапа энергично махала рукой, нетерпеливо подпрыгивая на месте. Встретившись взглядом с Неотразимым, она с визгом ринулась к нему и повисла на шее.

— Ну наконец-то, наконец-то! — верещала она и крепко чмокала его в губы.

Неотразимый слабо отбивался. Дежурная поволокла его к зданию аэропорта, без умолку рассказывая о какой-то Лене, та составила график встреч по картам Таро, об Анжеле, она тоже здесь.

Дежурная втолкнула Неотразимого в здание вокзала. В огромном помещении за стеклянной стеной стояло множество кроватей. На них сидели и лежали в расслабленных позах полуголые девицы.

— Видишь, их всех надо оприходовать. Тебе же это нравится, сукин ты сын. — Дежурная куснула его за щеку. — Смотри, какие! Мы их год для тебя выдерживали. Правда, девочки?

Девочки взвыли. И тут же стали демонстрировать свои внушительные груди, зады и прочие прелести.

– Да там вон и эта, Людка твоя, и Нинка, вон она.

– Быстрее, котик! Быстрее! – орала рыжая девица, перевитая тонкими цепочками. – Я уже очередь заняла, 1276-я. Как я люблю *это*! Ты сделаешь мне это, забавник?!

Дежурная схватила дико озирающегося Неотразимого и грубо затолкнула за стекло. Самки с воем ринулись к нему.

Алекс затормозил...

Алекс затормозил: «Странно, никогда здесь раньше не было шлагбаума». Он огляделся – железнодорожного полотна или каких-либо других поводов устанавливать шлагбаум не приметил. Рядом стояла будка, окруженная цветником. Весело пестрели ромашки, ноготки, вздымались стебли космеи, густо усеянные крупными бордовыми цветками. На несколько мгновений всколыхнулось сладостное воспоминание детства: он, маленький мальчик, сидит в цветочной клумбе, а над ним, словно деревья, нависают стебли космеи. Алекс чувствовал себя лилипутиком в сказочном лесу среди цветов-деревьев. Он может залезть по стеблю прямо в чашечку цветка и качаться в ней, как в колыбели.

Алекс очнулся. Шлагбаум не поднимался. Он посигналил. «Здесь всегда тянулся поток машин, почему сейчас никого нет?» Он стал нервно сигналить – шлагбаум не двигался. Алекс стал сигналить не останавливаясь. «Что за чертовщина! Мать вашу!» – выругался он.

Потеряв терпение, Алекс достал из-под сиденья пистолет, сунул в карман, выскочил из машины и побежал к будке. Со злостью дернул дверь – та неожиданно легко распахнулась.

– О! Алекс! – радостно воскликнул лохматый будочник. Он поставил чашку чая и поднялся из-за стола: – Заходи, дорогой, давно тебя жду!

«Откуда он меня знает?!» – мелькнула мысль, но Алекс был в такой ярости, что отбросил ее, как несущественную.

– Какого черта здесь шлагбаум поставили?! – завопил он. – Какого черта ты не поднимаешь его?!

– Какого черта, какого черта... – миролюбиво заворчал будочник. – Такого черта, главного. Раньше еще открывать, побудь здесь немножко, куда спешишь?

– Что?! – взревел Алекс и сунул под нос лохматому пистолет. – Открывай! Собака!

– Ух ты! – радостно удивился лохматый, с интересом разглядывая оружие. – А что, чаю не попьем?

– Не выводи меня. На два я стреляю. Раз.

Лохматый с любопытством заглянул в дуло пистолета одним глазом.

– А если так?

Он дунул в дуло. Пистолет в руках Алекса вдруг обмяк, расплылся как тесто. Тот дико взглянул на бесформенный черный комок, стряхнул его, выскочил из будки, ввинтился в машину и ударил по газам. Шлагбаум протаранил правую часть машины, разбил стекла, вырвал часть дверей, но все-таки машине удалось проскочить в зазор между прогнувшимся шлагбаумом и железным ограждением.

Алекс погнал машину по дороге.

«Что за дичь!» – бесился он, оттого что никак не мог привести мысли в порядок. «Все было нормально, пока не появился этот чертов шлагбаум. И с пистолетом что-то не то. Может, я сплю?» Алекс подергал себя за волосы, пощипал за щеки, повертел рулем машины – та послушно завияла. Все подчинялось его контролю.

Впереди показался знакомый указатель: «Добро пожаловать в город Подобас». «Фу! – вздохнул он с облегчением. – Все на месте. Да, машина, что-то с машиной надо делать. Заеду в авторемонтную, пусть хотя бы посмотрят».

Он свернул направо, в проулок, где была станция обслуживания. Но, проехав метров двести, Алекс вдруг перестал узнавать город. Вокруг высились большие дома, сверкающие стеклом и бетоном, тогда как Подобас был застроен дорогими коттеджами и особняками. Алекс остановил машину, нервно осмотрелся: «Опять начинается чертовщина!» Он развернулся и направился к выезду. Однако там теперь тоже возвышались башни из стекла и бетона.

Он стал суматошно колесить по городу, стараясь увидеть хоть что-нибудь знакомое.

«Надо у кого-нибудь спросить, куда я попал». Осматривая улицы, он вдруг заметил, что город пуст. Остановился у супермаркета. На входной двери висело большое объявление: «Мы закрылись!»

Машина двинулась дальше. Наконец он увидел девушку в коротком облегающем платье. Опустив голову, она стояла на остановке.

Алекс выскочил из машины, бросился к ней:

– Э-э-э, скажите, это какая улица?

Та не поднимала головы и не обращала на Алекса никакого внимания.

– На какой улице мы находимся? – нетерпеливо повторил он.

Девушка захлопала большими ресницами.

– Послушайте! Я к вам обращаюсь!

Алекс резко дернул ее за руку – и рука отвалилась.

Он в ужасе уставился на обломок руки:

– Манекен...

Алекс отбросил руку и побежал к машине. Из-за рекламной тумбы внезапно появилась тощая старуха и резко перегородила дорогу.

– И не погружаются в глубины несозданные сущности, и тени их не отойдут в вышину! – Она говорила зычным голосом проповедника, подбородок ее дергался, глаза безумно сверкали. – И все несозданное обратится, и подступит к границе мира, и встанет стеной. Будет пребывать несокрушимо, устршит и низринет...

– Скажи, это какой город? Где я? – мучительно морщась, спросил Алекс.

Старуха взглянула на него совершенно разумно и четко произнесла:

– Никаких комментариев. No comments! – и снова зашла за тумбу.

Алекс заглянул за тумбу, несколько раз обогнул ее, но сумасшедшая всякий раз успевала скрыться из вида.

Алекс подбежал к подъезду ближайшего дома, дверь оказалась закрытой.

Он стал колотить в нее изо всех сил:

– Откройте, суки! Что вы все прячетесь?! Что за дурдом устроили?! Ненавижу! Откройте!

Алекс вернулся к машине. Дверца приоткрылась. Из нее бочком выполз потрепанный мужик в обвисшей шляпе и синем плаще.

«Почему он сидел в моей машине?»

– Ты что здесь делаешь? – зло спросил Алекс.

Мужик в ужасе отпрянул и бросился бежать.

– Стой! Стой! Я только спросить хочу! – кинулся за ним Алекс.

Но тот, втянув голову в плечи, побежал во всю прыть по безлюдной улице, кидаясь при этом то влево, то вправо, как заяц, спасающийся от погони. И наконец скрылся в какой-то подворотне.

Алекс сел в машину и стал сигналить, надеясь, что кто-то откликнется. Но пронзительные монотонные звуки только нагоняли еще большую тоску. Он поехал по безлюдным улицам, по-

ворачивая наобум то вправо, то влево. Городской пейзаж не менялся. Это была одна и та же мрачная улица с однообразными небоскребами и фонарями.

Машина заглохла. Алекс открыл дверь и тупо уставился в лобовое стекло.

Вдруг послышался громкий стук каблуков. Мимо него прошла высокая женщина в узкой черной юбке.

– Я хотел спросить... – Алекс выскочил из машины и помчался за прохожей.

Женщина четко печатала шаг. Туфли на высоких каблуках цокали по тротуару как копыта. Она не спешила, но догнать ее Алекс не мог, хотя и бежал что есть силы.

– Остановитесь же! Мне только спросить!

– Спрашивай. – Женщина продолжала вышагивать, не поворачивая головы.

– Что происходит? Что это за чертово место?!

– Угадал, чертово место! Именно, именно чертово место, ад-ско-е! Смотри-ка, атеист, а соображает.

– Вы что, сдурели, что ли!? Посмотрите: вокруг XXI век! Какой ад?! Бога вашего давным-давно нет! – задыхался от бега и ярости Алекс.

– Правильно, любезный, Бога нет, а мы есть! Женщина, мерно чеканя шаг каблуками, стремительно удалилась.

Алекс в бессилье опустился на тротуар.

«Так. Я Алекс Линц, я... богатый человек, мое богатство составляет... составляет... Я поехал на машине... Да я ведь долго лежал в больнице, до того как поехал на машине, и уже не ходил! А сейчас хожу. И у меня была жена, последняя, и еще несколько. Одну я убил. Нет-нет, не я ее убил, не убил, так случилось. Почему же я сейчас хожу? Я хожу. Я здесь. А где? Что это все означает? Как я сюда попал? Как сюда попал?»

Вконец отчаявшись, он бесцельно брел по городу. «Все кончается, и это тоже когда-нибудь закончится».

Дома редели, становились ниже. Он сел на лавку и закрыл глаза. Все эти дома, мостовая, чахлые деревья вызывали у него невыразимое отвращение. До дрожи и тошноты. Мечтал, что откроет глаза и увидит перед собой стены своей комнаты в большом особняке, окруженном садом. Открывал глаза, но вновь и вновь видел белесый столб фонарный, угол дома, выщербленный бордюр.

С юга стали наплывать тучи. Наливаясь сильным цветом, они плыли так низко, что бороздили землю. Вглядевшись, Алекс увидел, что это не тучи, а плотная пелена. Она стояла отвесно на всю высоту от земли до неба и неумолимо приближалась к городу.

Вдруг с противоположной стороны до Алекса донесся слабый звук, очень неприятный, похожий на шипение. Он повернул голову и увидел, что с запада надвигается черная туча. Присмотревшись, понял, что это не туча, а расплывающееся черное пятно. Дома, столбы, небосвод медленно разрушались, будто кто-то стирал их ластиком, только ластик оставлял после себя непроницаемо-черный след. Алекс затравленно смотрел то на сизую пелену, то на растекающуюся черноту. Он поднял палку, подошел к пелене и ткнул ее. Палка легко, как в туман, вошла в пелену. Пошарил палкой – никаких препятствий не было. Засунул туда руку. Туман был мертвяще холодным, омерзительно склизким на ощупь и таким густым, что руку невозможно было разглядеть и в полуметре. Алекс втянул голову в плечи и медленно вошел в бесцветную мертвящую пелену, шаря перед собой палкой. «Когда-нибудь это должно закончиться», – тупо шевелилось у него в голове.

И будто в ответ он услышал какое-то бульканье и слабый сдавленный смех, потом с трудом различил прошелестевшие будто сквозь толщу воды слова: «Это никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, нико-о-о-о... нико-о-о-о... ни-и-и-и...»

Легкое дрожание...

Легкое дрожание началось в кончиках пальцев, побежало по рукам и ногам, охватило все тело, будто невидимый музыкант легко тронул невидимые струны. Внутри шевельнулось и начало подниматься это невесомое, легкое, отличное от тела, но хранящее его форму. Сознание заполнил ослепительно-белый свет.

Время свернулось.

Расстояния стянулись в точку.

Все покрылось тишиной...

Прикосновение было легким и нежным. Ляля открыла глаза.

– Ты Ангел? – спросила она у существа, склонившегося к ней.

– Если хочешь, называй меня так.

– Но у тебя нет крыльев.

– Сейчас ты их увидишь.

За спиной у существа вспыхнуло округлое золотое сияние.

– Они не из перьев? – удивилась Ляля.

– Хочешь из перьев?

– Нет. Так красиво. Это энергия светится?

Тот, которого Ляля назвала Ангелом, тихонько рассмеялся:

– Пусть будет так.

Ляля огляделась. Вокруг ничего не было, кроме безбрежного белого света. Она немножко испугалась и крепко ухватила за руку Ангела, так она его назвала.

– Ты куда не уйдешь от меня?

– Я буду с тобой, пока ты сама этого хочешь.

Он провел рукой по волосам девочки. Беспечность, предвкушение чего-то необыкновенно радостного охватили ее.

И потом она увидела этот чудесный поток, удивительный поток воды – глубокий, прозрачный до голубизны. Он как будто струился в воздухе, внизу под ногами. У него не было берегов, он тек как широкая играющая струя.

– Прыгнем в него? – спросил Ангел.

– Да.

– Не боишься?

Ляля покачала головой.

Прыжок был легким, как полет лепестка. Они медленно погрузились в воду. Дышать и двигаться в ней было так же естественно, как и на поверхности. Девочка отпустила руку. Вода ласкала и нежила Лялю, играла с ней, качая на волнах и кружа. Из струй потока возник челнок, подхвативший обоих. Такой же прозрачный, как вода, челнок понес их по течению.

Ляля потрогала свое платье. Оно было сухим.

– Это вода, которая не мочит?! – удивилась девочка.

Поток становился шире и медлительнее. Дальние горизонты стали насыщаться цветом. Волны кармина, охры, лазури и зелени накатывали все ближе и ближе. И вот они уже одели берега изумрудными полянами, рассыпали по ним цветы, окрасили в темную зелень леса и поднявшиеся за ними сопки, а выше расprostерлись лазурные небеса. Ляля с восторгом разглядывала это волшебное преображение. Вдоль берега тянулись необыкновенные деревья. Их стволы поднимались высоко, а ветки, покрытые мягким зеленым мхом, ниспадали до самой земли.

– Эти деревья похожи на мохнатые зеленые стожки, – сказала девочка.

Ангел согласно улыбнулся.

Редкие кустарники шелестели у воды большими веерообразными листьями серебристого цвета. Челнок заплыл в небольшую заводь, всю усеянную лилиями и кувшинками, между ними блестели плоские глянцевые листья.

– Они такие красивые, что я даже не хочу их срывать. – Ляля пальчиками касалась нежных белых лепестков.

– Не бойся, они особенные.

Ангел сорвал лилию на длинном стебле, и на ее месте тут же появилась новая.

– Я сплету тебе венок, хочешь?

Девочка радостно кивнула.

– Они никогда не увянут, – сказал Ангел, надевая на голову Ляле венок из лилий.

Челнок направился к берегу и причалил к деревянным мосткам. Ляля увидела, как из леса выскочил небольшой полосатый зверек, добежал до берега и запрыгнул на мостки. Это был тигренок. Он весело перебирал лапками и, казалось, улыбался Ляле.

– Ты узнала его? – спросил тот, кого Ляля называла Ангелом.

Девочку охватило непонятное радостное волнение, как перед долгожданной встречей.

– Это...

Девочка всматривалась в тигренка. Усов с одной стороны у него не было, а к ушку было приклеено сердечко.

– Это мой Тига! Он ожил! Он живой! – воскликнула девочка.

Ляля узнала свою любимую детскую игрушку. Когда-то она не расставалась с ней ни днем ни ночью.

– Тига, иди ко мне! – позвала она своего друга.

Тот живо запрыгнул в челнок и принялся усердно лизать ей лицо и руки.

– Тига, Тига, какой ты стал красивый! И подрос. Это сердечко я приклеила к уху, когда Васька ему усы обрезал с одной стороны. А я сердечко приклеила, чтоб ему лучше было. Я выговорить не могла «Тигр» и называла его Тига, – рассказала Ляля, не переставая гладить и ласкать тигренка.

Тига пропал на даче у бабушки. И три дня Ляля безутешно плакала, не желая принимать никакого другого игрушечного тигра.

– Он теперь всегда будет со мной? – спросила девочка.

– Теперь всегда, – кивнул тот, кого она считала Ангелом.

Ляля прижала к себе Тигу и запела песенку, которую напевала ему раньше перед сном. Песенку про то, какой хороший и пушистый ее полосатый любимец.

Поток ширился, один берег отодвинулся к горизонту, а на другом теперь вместо леса расстился огромный луг. Ляля увидела, что луг этот усеян причудливыми домиками-цветами и залит будто все связующим золотым светом. Повсюду над лугом порхали... порхали...

– Это дети?! – изумилась Ляля.

– Да, мы тоже здесь будем, пока не отправимся дальше.

– Значит, ты будешь со мной?

– Здесь у каждого ребенка есть тот, кого ты называешь Ангелом.

– Он как мама?

– Да, как мама.

– А мама...

– Ты ее увидишь. – Тот, кого Ляля называла Ангелом, охватил ладонями ее лицо. – Обязательно увидишь. Потом. А сейчас мы полетим туда и найдем наш домик.

– Полетим?

– Да.

– Но я же не умею летать.

– Умеешь, – улыбнулся тот, кого Ляля называла Ангелом. – Надо просто вспомнить, как ты летала прежде. Во сне. Закрой глаза.

Ляля крепко обхватила Тигу, закрыла глаза. И вдруг поняла, что да, она сможет взлететь! Ангел поднялся вверх, легко потянув за собой девочку. Та почувствовала себя невесомой и, обмирая от восторга, полетела вслед за ним.

Замелькали лица...

Замелькали лица. Они наплывали одно за другим – узнанные и неузнанные. Что-то говорящие и молчащие.

«Много. Почему их так много? Я столько видела в жизни?» – думала Ева. И не то чтобы она думала, но странным образом ощущала мысль.

Мелькание лиц слилось в неразличимый поток, который рассеялся в беспредметном пространстве. Это пространство стало накатывать, натягиваться на нее, как новая кожа. И новые контуры пространства кожа ощущала по-иному.

Всплыл закат над степью. Тот, который она видела прежде, будучи девочкой. Она запомнила его не потому, что он был как-то необыкновенно красив: дивные краски и линии будто о чем-то благовествовали.

Полнеба алеет. В облаках, как в перламутровой раскрытой раковине, шар солнца. И с обратной стороны этого заката (или чувства, вызванного им) совсем близко есть, угадывается то самое важное и абсолютное, чему предназначена ее жизнь. Так ласково овеивает теплый ветер, будто и он несет из-за горизонта весть *оттуда* о будущем нескончаемом счастье. И в этот миг связь с запредельным сомкнулась. Душа Евы слилась с ним, растворилась в Божественной радости.

Она закрыла глаза и вслушалась в себя. «Кто-то должен встретить меня здесь. Я это откуда-то знаю точно. Я жду...»

– Ева, Ева, – позвал ее голос из глубины.

Открыв глаза, она огляделась и увидела, что очутилась в цветущем саду. Из-за деревьев к ней шла девушка.

– Я Агнета, – произнесла та, ласково взяв Еву за руку.

Ева всматривалась в лицо: «Я где-нибудь видела ее?»

– Нет, ты не знала меня прежде, – сказала девушка в ответ на мысли Евы. – Нас разделяло лет пятьсот. Но мы связаны генеалогическим деревом.

Еву охватило безграничное доверие и любовь к этой хрупкой девушке, и она сразу заговорила о том, что поразило ее в эти первые мгновенья:

– Агнета, если есть этот чудесный и восхитительный мир, где сейчас мы с тобой, совершенный, прекрасный... как будто в каждую пору моей кожи вживлен рецептор счастья... если так возможно, почему там был ужас и мрак, страдания и муки? Для чего они были и есть? И раз есть совершенный Космос и совершенное бытие, почему оно не объемлет все?

– Тебе покажется банальностью то, что я скажу, но, чтобы родиться в свет, нужна тьма. Одно без другого невозможно, одно вырастает из другого. Это пока все, что я могу тебе сказать. Пока все, но пока. Тебе будет открываться вся глубина и величие замысла по мере того, как ты будешь возрастать. И я помогу тебе.

Агнета обняла Еву за плечи и повела к дому, виднеющемуся в глубине сада.

– Это твой, – сказала она. – Ведь ты же мечтала о домике с садом, – лукаво улыбнулась девушка.

– Но... Он слишком большой и такой роскошный, почти дворец, – качнула головой Ева. – Я... я хотела просто маленький домик.

– Маленький домик?

– Да.

– Так создай его. Представь ясно, что ты хочешь.

– Представить? – неуверенно произнесла Ева.

– Да-да!

Ева закрыла лицо руками и сосредоточилась. А когда отняла руки, увидела небольшой строгий домик с белыми стенами и высокой черепичной крышей.

– Подходит?

– Как во сне...

– Почти! – рассмеялась Агнета.

– Удивительно...

– Пожалуй, это то, что так же сильно поражает вновь прибывших, как и охватывающее пронзительное блаженство. То, что имело ценность там, на что тратились десятилетия, огромные силы, средства – зачастую в виде неустанной тяжелой работы или в виде лести, воровства, мошенничества, убийства, – здесь создается и исчезает в одно мгновение. Ценность у нас имеет только душа. А все это... – Агнета махнула рукой, – это фантом, который лишь на какое-то время становится иллюзией реальности. Потом ты и без меня сможешь создать дворцы, как когда-то умела чистить картошку, – рассмеялась она. – Помнишь?

*Мы копаем картошку,
Пьем студеную воду.
Осень серою кошкой
Бродит по огородам.*

– Это стихотворение Андрея, моего мужа, – узнала Ева.

Агнета кивнула.

– Но ведь оно нигде не было опубликовано.

– Разве для Бога нужна публикация? Все написанное – от мыслей. А они не пропадают. Все мыслимое запечатлено. А если это не так, то наши молитвы – тщета, пустота. И это ты потом научишься делать – извлекать нужное из бесконечного мысленного потока. У нас впереди много чудесных занятий! А пока зайдем в дом и поговорим о том, кем еще ты захочешь его заселить и чем наполнить.

Агнета распахнула дверь.